

Сигмунд - Свадьба Сигни

Сказания о героях

В замке короля франков Вольсунга вот уже несколько дней шел небывалый пир. Немало лет прошло с тех пор, как был выстроен этот замок, но еще никогда не видел он под своей крышей столько гостей. Собрались все друзья и родственники старого короля, предводители его дружин и даже простые воины. Единственная дочь Вольсунга, красавица Сигни, выходила замуж за короля Гаутланда - Сиггейра и уезжала вместе с мужем за море, в его королевство.

Как и большинство жилищ тех далеких времен, замок Вольсунга был выстроен вокруг дерева, исполинского старого дуба, который Вольсунг в честь жены прозвал "дубом валькирий". Его могучий, в шесть обхватов ствол поддерживал все здание, а вершина, с далеко раскинувшимися ветвями пышным зеленым куполом подымались над крышей. Между корнями этого лесного великана, на земляном полу замка, стояли длинные столы, на которых лежали зажаренные целиком туши оленей, вепрей и ланей, а подле - открытые бочки с пенящимся медом и крепкой брагой. Как только содержимое какой-либо из этих бочек подходило к концу, слуги выкатывали ее из зала, а на ее место ставили новую. Хозяйева и гости ели, пили и веселились, и только сама новобрачная была задумчива и печальна. Не по своей воле выходила она за муж. Ей не нравился Сиггейр, а за его вкрадчивыми, льстивыми речами она угадывала коварство и скрытую жестокость. Сигни с грустью думала о том, что скоро она навсегда расстанется с родным домом, расстанется с отцом, братьями, расстанется со старшим из них, Сигмундом.

Сигмунд и Сигни были близнецы. Они вместе родились, вместе выросли, и если Сигни превосходила всех красотой, то Сигмунд не знал себе равных по силе и мужеству. Многие даже предсказывали, что его слава скоро затмит славу его знаменитого отца. Сигмунду тоже не нравился Сиггейр, но он знал непреклонный характер старого Вольсунга и потому молчал.

Уже немало старого меду было выпито и порядком охмелевшие гости только что затянули своими охрипшими в походах голосами дикую, как вой морского ветра, воинственную песню викингов, как вдруг дверь в зал внезапно распахнулась, и на пороге появился неизвестный старик. На его

голове была потрепанная широкополая шляпа, на плечах висел дырявый синий плащ, а в правой руке он держал огромный блестящий меч. У пришельца был всего один лишь глаз, но этот глаз сверкал таким умом, да и вся наружность старика была так величественна, что все невольно смутились и никто не осмелился даже поприветствовать нового гостя обычным "добро пожаловать". Не обращая на это внимания, старик медленно и важно вошел в зал, прошел между рядами гостей и, подойдя к дубу валькирий, с такой силой воткнул в него меч, что он по рукоятку ушел в ствол.

- Я оставляю здесь свой меч, - произнес он, и его слова громко прозвучали в наступившей тишине, - в дар тому, кто сумеет его вытащить. И знайте, что лучшего меча никто из смертных еще не держал в своих руках.

Сказав это, незнакомец повернулся и, не оглядываясь, вышел из зала. Слуги Вольсунга кинулись вслед за ним, но таинственный гость уже исчез, и никто не видел, откуда он пришел и куда скрылся.

Едва опомнившись от изумления, все, кто только был в зале, вскочили со своих мест и окружили дуб валькирий, в стволе которого тускло поблескивала золоченая рукоятка меча. Младший сын Вольсунга уже было протянул к ней руку, но отец остановил его и, обращаясь к Сиггейру, сказал:

- Ты мой гость, дорогой зять, попытайся же первым вытащить этот меч.

Сиггейр покраснел от радости. Он был молод и силен и надеялся без труда завладеть подарком незнакомца.

"Если старик смог его воткнуть, то уж я, конечно, сумею его вытащить", - подумал он.

Однако надежды короля Гаутланда были напрасны и, хотя он тянул с такой силой, что на лбу выступили крупные капли пота, меч не сдвинулся ни на волосок.

- Нет, видно не рука простого смертного всадила сюда этот меч, не руке простого смертного его и вытащить! - сердито проворчал он, садясь на свое место.

Сиггейра сменил старый Вольсунг, а того - сыновья и гости. Каждому

хотелось испытать свою силу и получить чудесное оружие. Один за другим подходили они к дубу и один за другим смущенно отходили прочь. Меч словно прирос к стволу и не двигался с места.

Лишь один Сигмунд молчаливо стоял в стороне. Старый Вольсунг заметил это и подошел к нему.

- Разве тебя не хочется завладеть таким прекрасным мечом? Или ты не доверяешь своим силам? - спросил он.

- Нет, я не хотел мешать другим, - коротко ответил Сигмунд.

Он подошел к дубу и, схватив одной рукой рукоятку меча, выдернул его так же легко, будто вынимал из ножен.

Все невольно вскрикнули, восхищенные исполинской силой молодого Вольсунга. Не меньше восторгов вызвал и сам меч. Он был действительно великолепен. Испытав его, Сигмунд вырвал у себя волосок и бросил на лезвие. Едва коснувшись меча, волосок распался на две части. Раздались новые крики восторга.

- Послушай, Сигмунд, - сказал Сиггейр, который все время с завистью смотрел на меч, - продай его мне. Я дам тебе столько золота, сколько он весит.

- Если бы тебе подобало его носить, - насмешливо отвечал Сигмунд, - ты бы и сам его вытащил. Теперь же я его не продам тебе за все золото, которое есть в твоём королевстве.

Король Гаутланда вздрогнул от обиды. Но он был достаточно умен, чтобы не давать волю своему гневу, и весело расхохотался, дружески хлопнув Сигмунда по плечу.

- Ну, так носи его сам, - воскликнул он, - а мы выпьем за то, чтобы подвиги, которые ты совершишь этим мечем, навеки прославили твое имя!

Сказав это, он взял из рук слуги полный рог меду и осушил его одним духом. Остальные последовали его примеру, после чего веселье в зале вспыхнуло с новой силой и продолжалось уже без всякой помехи до самого утра.

Однако, с первыми же лучами солнца Сиггейр поднялся и, обращаясь к

Вольсунгу, сказал:

- Подул попутный ветер, дорогой тесть, и я хочу воспользоваться им, чтобы сегодня отплыть домой. Позволь же поблагодарить тебя за гостеприимство и радушие.

Лицо старого Вольсунга омрачилось.

- Ты слишком рано собрался в дорогу, - возразил он. - У нас не в обычае кончать свадебный пир так скоро.

- Знаю, - ответил Сиггейр. - Но я и не собираюсь его кончать. Я получил важные известия и должен спешно вернуться домой, но, если ты со всеми, кто здесь присутствует, через две недели пожалуешь ко мне в Сиггейраутланд, мы продолжим там то, что начали здесь, и поверь, я сумею ответить гостеприимством на гостеприимство.

Слова Сиггейра вызвали одобрительные крики гостей, которые уже заранее радовались предстоящему празднику.

- Я принимаю твое приглашение, - сказал старый Вольсунг, - и даю тебе слово, что через две недели буду у тебя в Гаутланде со всеми, кто пожелает мне сопутствовать. А таких, - добавил он, оглядывая зал, - наберется немало.

- Чем больше гостей ты привезешь, тем веселее нам будет, - приветливо улыбаясь, ответил Сиггейр.

Он попрощался с Вольсунгом и вышел, чтобы приказать своим людям собираться в дорогу.

В этот момент Сигни, которая до сих пор безучастно сидела на своем месте, вдруг бросилась на колени перед старым королем и со слезами на глазах воскликнула:

- О дорогой отец! Молю тебя, позволь мне не ехать! Не верь Сиггейр: он коварен и злобен. Пусть уезжает он один в свой Гаутланд, а я останусь здесь, с тобой и братьями!

- Ты с ума сошла, Сигни! - сердито взглянув на дочь, отвечал старый Вольсунг. - Как я могу нанести такое оскорбление своему гостю и зятю, да к тому же такому уважаемому человеку, как Сиггейр! Немедленно ступай к нему и не смей подавать даже виду, что он тебе неприятен!

Сигни понурила голову и, не говоря больше ни слова, вышла вслед за

Сиггейр. А два часа спустя корабли гаутландцев уже покинули землю франков и быстро понеслись по бурным волнам Северного моря. Они увозили Сиггейр и его молодую жену, глаза которой до последней минуты были устремлены на юг, к родным берегам, словно она предчувствовала, что уже никогда больше их не увидит.